

ФИЛОСОФИЯ

Т.В. Якушенко

Исследование общекультурной составляющей в системе дистанционного образования: проблемы владения родным языком

Данной статьей автор продолжает тему, поднятую в кандидатской диссертации и монографии 2005 года [1, с. 92–99; 2, с. 49–54] и развитую затем в статьях [3; 4, с. 167–171]. Вместе с тем необходимость продолжения разговора с поворотом его в несколько иное русло продиктована тремя достаточно новыми обстоятельствами.

Во-первых, в последние годы в жизнь российского общества все весомее входят Интернет и связанные с ним информационные технологии. Это обстоятельство породило новые ожидания как позитивного, так и негативного плана, особенно в части общеобразовательной подготовки в средней школе, поставляющей абитуриентов для высшего профессионального образования.

Во-вторых, дистанционное обучение вышло на такой уровень, когда перед ним можно ставить более серьезные задачи не только в сфере профессионального, но и общего образования, что нашло отражение в представленной вниманию российской общественности концепции вуза будущего, включающей решение проблемы малокомплектных школ с использованием технологии телеобучения (М.П. Карпенко [6, с. 769–795]).

Но, в-третьих, к сожалению, практика работы со студентами очного отделения, то есть людьми, получившими среднее

образование уже в начале XXI века, выявила новые проблемы, которые были практически незаметны еще десять-двенадцать лет назад. Между тем, если судить по новейшим педагогическим разработкам, организаторы современного школьного образования, увлеченные формальными преобразованиями, не желают замечать этих проблем. Поскольку Современная гуманитарная академия, как показывает мониторинг первокурсников, имеет дело с абитуриентами, вышедшими из семей с преимущественно средним и низким культурным капиталом («менее пятой части родителей обладают высоким и очень высоким культурным капиталом» [5, с. 9]), для нас чрезвычайно важен уровень общеобразовательной культуры, полученной нашими студентами в средней школе или в средних специальных учебных заведениях.

В данной статье мы попытаемся продемонстрировать, что необходимость усиления общекультурного компонента в содержании дистанционного обучения сегодня во многом диктуется недостатками гуманитарного образования в средней общеобразовательной школе.

По преимуществу речь пойдет о проблемах, связанных с овладением молодыми людьми, получающими высшее профессиональное образование в СГА, главным богатством человека и человечества – языком (вспомним Л. Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира» [7, с. 80]). Естественно, мы говорим, прежде всего, о родном языке.

Как справедливо отмечает автор серии статей о системе новых технологий школьного обучения Б.И. Федоров, «степень владения языком, а еще лучше языками, становится с точки зрения логико-информационного подхода к школьному образованию основным показателем интеллектуального развития человека» [8, с. 118].

Следует согласиться с Федоровым и в том отношении, что родной язык, помимо функции общения, играет в системе образования еще и «функцию метаязыка, или языка посредника,

с помощью которого осваиваются другие языки: язык математики, язык биологии, язык истории, иностранный язык, язык морали и т.п.» [там же]. И, добавим, языки Интернета, что в современных условиях неизбежно.

Информационно-компьютерная революция дала человеку универсальные средства хранения, переработки и передачи информации. Универсальные не только в смысле быстродействия и применимости в самых разнообразных сферах, но и в смысле доступности.

Широкие перспективы открывает развитие глобальных электронных библиотек. Сегодня уже широко известна Всемирная виртуальная библиотека «Гугл принт» (Google print, адрес в Интернете Google.com), созданная в 1998 году Сергеем Брином и Лари Пейджем. Сканируя десятки тысяч страниц в день, сотрудники «Гугл инк.», ее дочерних корпораций и сотрудничающих с ними библиотек ведут дело к тому, что «уже через два десятилетия основная часть накопленных человечеством знаний будет превращена в цифровую информацию и станет свободной и доступной посетителю Интернета, подобно тому, как открыт фонд библиотек для их посетителей». «Гугловцы» уже принялись «за освоение сокровищ архивов и музеев, находящихся в них документов и источников» [9, с. 25–26]. 21 апреля 2009 г. открылась Всемирная цифровая библиотека, в основу которой положены фонды самой крупной библиотеки мира – Библиотеки конгресса США.

Сегодня главная заслуга компьютерных сетей, прежде всего Интернета, в том, что они обеспечивают все большему числу людей – в перспективе каждому желающему человеку на Земле – доступ к знаниям.

Сейчас, когда большая часть человечества обзавелась мобильными телефонами, когда добрая треть человечества пользуется персональными компьютерами, тем или иным способом связанными с Всемирной паутиной, Интернет стал сферой действительно всемирного общения. Именно общение, а не

просто сообщения, как в случае деловых контактов или пользования библиотеками и архивами, является наиболее массовым способом использования Интернета. Это особенно характерно для молодежной среды. Интернет для молодежи сегодня – целый мир, посредством которого можно обмениваться информацией со всеми жителями нашей небольшой планеты.

Все, кто общается в Сети хотя бы в течение года, с уверенностью могут сказать, что Интернет-общение – это рождающаяся на наших глазах новая форма самовыражения через творчество. Человек обладает свободой творения образа, пространства и предмета коммуникации, его ничто и никто не ограничивает в его творчестве, и обязательно найдется тот человек, который оценит его творения, даже если они окажутся примитивными и будут выходить за рамки этических норм человечества. Интернет-общение привлекает пользователей своей абсолютной свободой, ведь в реальной жизни понятие свободы достаточно относительно.

Общение в Интернете идет, конечно, не на строго литературных языках, хотя имеет место и это. Чаще все-таки используются некие новые, упрощенно-жаргонные языки, связанные с литературными и с живыми разговорными, но несущие на себе печать своеобразного вызова традиционной культуре. Профессор МГУ Марина Сидорова считает, что при всей неказистости или, напротив, вычурности выражений в чатах и блогах можно говорить, что Интернет вдохнул новую жизнь в традиционные жанры речевой культуры, спас такой специфический русский разговорный жанр, как разговор на кухне, или традиционный английский разговор в гостиной, американский разговор в баре. В ходе интернетного общения происходит и коверканье традиционных языков, и изобретение, выдумывание новых. По мнению М. Сидоровой, это естественный процесс: когда-то, при начале классической русской литературы, Карамзин придумал слова «благотворительность», «влюбленность», «вольнодумство», «достопримечательность»,

«ответственность», «промышленность», «водоем», «тротуар», Достоевский ввел в язык слово «штушеваться» и так далее. Но сейчас словотворчество идет гораздо более массово, этим занимаются не только писатели [10, с. 38–39]. Это во-первых. А во-вторых, происходит интернационализация языка общения. При этом, поскольку в основе общения специалистов, да и в молодежной среде целиком, лежат слова, заимствуемые, как правило, из американского варианта английского языка, а эти слова гораздо короче немецких или русских, – то и у нас, и в других странах, прежде всего европейских, англо-американская словесность, часто сознательно или бессознательно искаженная в интересах сетевого общения, внедряется в традиционные языки. Поэтому, наверное, не случайно в литературе, посвященной Интернету и его языкам, наряду с критикой жаргонизма, началась уже и систематизация не только форм, но и стилистики сетевого общения [11, 12]. И уже высказываются предположения, что именно Интернет рано или поздно может стать источником единого мирового языка – не родного, разговорного, а своеобразного языка общения, аналогичного древним ивриту, классическому арабскому, греческому, общеславянскому, латыни, санскриту: они ведь тоже родились ради общения в среде интеллигенции (и власть имущих) близких по территории и духу народов, хотя и остались региональными [13, с. 290–298; 14, с. 1424].

Доктор филологических наук Владимир Алпатов напомнил три года назад в журнале «Родина», что попытки установить «теоретические нормы будущего общечеловеческого языка», предпринятые в середине 20-х годов прошлого века академиком Николаем Марром, не увенчались успехом, несмотря на то, что на XVI съезде ВКП(б) в 1930 году Сталин категорически заявил, что в будущем «национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык» [15, с. 21].

Сегодняшние надежды опираются не на благие пожелания или директивы, а на то, что Интернет-языки и жаргоны форми-

руются естественным путем, из потребностей практики общения миллионов людей. Это подтверждает правоту создателя «всеобщей организационной науки», тектологии, А.А. Богданова, который еще в книге «Общественное сознание в мировой войне», вышедшей в Москве в 1914 году, попытался обосновать идею, что «в международном коллективизме скрыта тенденция к выработке *единого языка человечества*, как самой общей организующей формы для мирового сотрудничества». Создание искусственных разговорных языков типа «волапюк», эсперанто и др. он совершенно справедливо называл интеллигентской утопией, основанной на полном непонимании того, что такое речь. И связывал возможное в будущем создание некоего единого языка с массовой общечеловеческой практикой, прежде всего в области науки и техники [16, с. 162–163; 14, с. 1424].

Отношение к Интернету как к социальному явлению неоднозначно. Одобряя Всемирную сеть как техническое средство, многие философы, социологи, не говоря уже о педагогах, склонны преувеличивать негативные моменты в существовании Интернета, опасаясь именно за социальные его последствия. Если вынести за скобки обвинения Интернета в распространении порнографии и насилия, а также чисто политические отторжения его, то наиболее часто встречаются опасения, как бы, пользуясь услугами Интернета, человечество не разучилось трудиться, творить, полноценно пользоваться своим мозгом.

Но, как отмечают авторы обзора в одном из недавних номеров журнала «Наука и жизнь», на вопрос «Интернет делает нас глупее?» отвечает сам опыт истории: «почти две с половиной тысячи лет назад, если верить Платону, Сократ осуждал изобретение алфавита и письма. Оно, мол, детренирует память и ум, поскольку не нужно помнить знания, а надо лишь помнить, где они записаны<...>

Но разве согласились бы мы сейчас отказаться от возможности фиксировать информацию на бумаге?» [17].

Характерно, как быстро в наши дни меняется настрой по отношению к Интернету со стороны ученых – разработчиков новых стратегий образования, как школьного, так и всеобщего. Так, Н.В. Громыко семь-восемь лет назад была настроена весьма пессимистически, заявляя, что «Интернет в том виде, как он сложился и используется сейчас, вполне в силах уничтожить теоретическое мышление и классическое образование» [18, с. 179]. Правда, уже тогда она предложила свой проект вывода Интернета «за пределы постмодернистской эпохи», такого его использования, чтобы он стал «средством выращивания нового типа образовательных общностей, культивирующих ценности теоретического знания и теоретического мышления», средством «возвращения к оригиналам» – к классическим теоретическим текстам. На конкретных примерах она доказывала, что все дело в качестве программного материала, компьютерных программ [18, с. 180].

А через шесть лет Громыко делает вывод, что в Интернете «уже наметились новые развороты... начался прилив “семантической волны”, в которой роль информационных технологий оказалась уже подчинена логике развития семантических технологий, то есть технологий работы со смыслами и значениями». И представляет разработанную в НИИ инновационных стратегий развития общего образования при Департаменте образования г. Москвы новую, эпистемологическую «модель обучения школьников работе со знаниями в пространстве Интернета», которая позволяет «выводить учащихся к границам современного знания и показывать, что сегодня человечество в принципе знает, а чего оно не знает» и тем самым вырабатывать у школьников навыки коллективного творческого поиска [19, с. 91]. Как подчеркивает Громыко, в основе эпистемологических технологий лежит «системодетельностный подход», идущий даже дальше семантического и обещающий более прорывные преобразования в Интернете.

Но вот что обращает на себя внимание. Как и почти сто лет назад Богданов, разработчики информационных, семантических и даже эпистемологических технологий, много толкуя о творческой интеллектуальной деятельности, подчеркнуто ограничивают ее работой с научными и практическими знаниями [19, с. 104–105, 20, с. 59–63]. И не говорят о необходимости овладения и владения языком в широком смысле, без чего творческая деятельность в любой области затруднена. На наш взгляд, это проявление традиционного научно-технического подхода к образованию, недооценивающего роль общекультурного начала. Но ведь уже семантические технологии требуют гибкого владения богатствами родного (и, при необходимости, других) языка. Тем важнее это владение станет при использовании эпистемологических технологий. «Грамотное выражение собственных мыслей в языке и адекватное восприятие смысла языковых сообщений является объективно необходимым условием умственного развития ребенка» (Б.И. Федоров [8, с. 118]). Добавим: не только ребенка, но и юноши, и взрослого человека.

К сожалению, современная школа как раз в этой сфере с каждым годом усугубляет ситуацию. Это становится все более заметным в общении преподавателей со студентами-очниками на коллективных тренингах, при прослушивании их устных курсовых, да и при чтении письменных работ. Особенно оказались озабочены преподаватели, работающие с такими предметами, как «Русский язык и культура речи», «Культурология», «Материальная и духовная культура России», «Риторика», «Судебная риторика». При этом все отмечали, что выпускники техникумов, то есть студенты, которые старше своих сокурсников, пришедших в СГА сразу со школьной скамьи, на 3–5 лет, обладают более грамотной, более литературной речью. Так что связывать недостатки в овладении родным языком только с последствиями компьютерного общения было бы неправильно.

В течение трех лет, начиная с 2007 года, объявленного, как известно, в Российской Федерации Годом Русского Языка, автор данной статьи, с участием ряда преподавателей Вельского филиала, проводил опросы студентов очного отделения филиала, интересуясь тем, как они осваивали в школе русский язык и литературу. Получилась сводка по более чем двадцати школам Вельского, Устьянского, Коношского районов Архангельской области, Верховажского и Тарногского районов Вологодской области, по почти четырём десяткам учителей.

Выяснилось, что, помимо собственно учебников по русскому языку, с пятого по девятый класс в большинстве школ учащимся предлагают еще и «учебник по развитию речи» профессора Е.И. Никитиной, объемом больше ста пятидесяти страниц в каждом классе, кстати, удостоенный Премии Правительства Российской Федерации в области образования за 1998 год.

А в этом учебнике, в 5–7 классах, школьнику год за годом, только все более подробно, разъясняется, к примеру, что такое «текст».

В учебнике для 6 класса, в параграфе 1, озаглавленном «Признаки текста», после того как вниманию ученика предложена миниатюра Федора Абрамова «Верное лекарство», ему дается задание: «1. Вспомните признаки целого текста: заглавие; тема, идея; делимость: I – начало, II – основная часть, III – конец; связность; композиционная завершенность. 2. Укажите эти признаки в рассказе “Верное лекарство”. Сформулируйте и запишите его тему; идею; составьте план. 3. Расскажите, как вы понимаете композиционную завершенность этого рассказа. 4. Определите стиль рассказа. Укажите в нем примеры просторечных и диалектных слов. Для чего, по вашему мнению, использует их писатель?».

Непосредственно вслед за этим следует значок, под которым в учебнике даются «теоретические сведения», и напечатано:

«Единство стиля – тоже один из признаков текста».

Остановимся на первом пункте задания. Ясно, что предполагается: в пятом классе, то есть год назад, ученик уже читал или слышал от учителя о признаках текста и сейчас должен вспомнить их. А потом к известным ему признакам запомнить еще один. И, как предлагает учебник, в дальнейшем, работая над своими сочинениями, контролировать себя: «всеми ли признаками текста обладает ваше сочинение».

В учебнике для 7 класса параграф 1 озаглавлен уже глобальнее: «Что такое текст». Семикласснику, только что прошедшему с летних каникул, опять предлагается вспомнить, что такое целый текст и каковы его признаки. Затем, после миниатюры Юрия Коваля, на две страницы развернута таблица в две колонки. В левой трактуются признаки текста, начиная с того, что это «единица речи» и до «единства стиля». А в правой препарируется текст Коваля, причем таким «канцеляристским» стилем, что ясно: семиклассник, прочитавший эту таблицу, рассказов и повестей Юрия Коваля читать никогда не будет.

Вот как профессор Никитина пишет о признаке «конец текста»:

«Конец рассказа – последнее предложение: *Так мы и сидели до самого заката*. В нём слово *так* вбирает в себя все предыдущие части и таким образом структурно оформляет их идейно-тематическую связность (ведь все части раскрывают одну общую тему и идею). Местоимение *мы* в данном случае значит *рассказчик* и *бабочка* и возвращает нас к заглавию текста – “Бабочка”, благодаря чему он получает **композиционную завершенность**».

Но этого мало! Через две страницы семикласснику предлагается усвоить, что «один из признаков текста – заглавие или возможность его», еще через две страницы – понятие «нулевого заглавия» (это когда над текстом стоят три звездочки). А чуть погодя семиклассник узнает, что у текста есть еще и значение, в

котором оно используется в учебниках: «любой дидактический материал (отдельные предложения, отрывок из текста, целый текст), который дается для выполнения заданий».

Если к седьмому классу ученик этого не понял без специального пояснения, значит, он безнадежен. А нормальному семикласснику это понятие вовсе ни к чему.

Мы провели эксперимент. С группой очень способных студентов, представляющих все пять направлений обучения в филиале (юристы, экономисты, менеджеры, психологи, информатики), состоящей поровну из первокурсников и второкурсников и примерно поровну из тех, кто пришел в СГА сразу после школы или после техникума, попытались выполнить полностью хотя бы задания одного параграфа из учебников для шестого, седьмого и восьмого классов. У автора на это ушло от сорока минут до полутора часов, у студентов – от тридцати пяти – сорока минут до часа с четвертью – полутора. Правда, работали добросовестно, выполняя последовательно все задания, даже обозначенные значком «дополнительные». Параграфов в учебниках – от десяти до пятнадцати. Не считая приложений.

А ведь ученику надо год за годом проходить еще и материалы учебников: «Русский язык. Практика» для каждого класса и «Русский язык. Теория» – этот, хотя бы, один на все пять классов основной средней школы.

Профессор Никитина в предисловии, которое почти стереотипно повторяется из класса в класс, а в учебниках для 5–7 классов повторено буквально, дает учащимся советы больше читать, не торопясь, запоминая, обдумывая; слушать и смотреть радио- и телепередачи, особенно те, «в которых дается обзор событий, а также рассказывается о культуре речи, о правильности употребления и произношения слов»; заводить записные книжки, записывать «звуки, движения, краски, запахи, слова, выражения». Подобное обращение приходится расце-

нивать как проявление либо наивности, либо полного отрыва от реальности.

Автор допускает, что эти учебники могут быть полезны издательским, журнальным, телевизионным и т.д. редакторам. Но... взрослый человек, выпускник школы, если он выберет такую профессию, материал всех пяти учебников без особого труда освоит на двух-трехнедельных курсах. Не стоит ради этого терять бесценные школьные месяцы и годы.

Не лучше ли вместо стопроцентно бесплодных упражнений читать на уроках русскую классику? Для усвоения внутренних законов языка регулярное чтение полноценных художественных текстов полезнее, чем зубрежка правил и определений. Через чтение классической художественной литературы в память человека входит и язык во всем его богатстве, и мировая художественная (и шире – гуманитарная) культура. Это доказано опытом не только российских школ, но и большинства европейских. Вспомним хотя бы японского писателя Кодзио Сэридзава, устами одной из своих героинь, учительницы из французской Швейцарии, свидетельствовавшего на основании многолетнего опыта, что через чтение классической литературы ученик «незаметно для себя самого проникнет в красоту родного языка и осознает величие французской культуры» [21, с. 409].

Между тем на чтение художественных текстов на уроках русского языка в школах сегодня просто не хватает времени. Вместо этого учащимся, особенно старших классов, в процессе подготовки к ЕГЭ приходится заучивать не только чисто формальные признаки текста, но и... математические формулы, с синусами и косинусами.

Когда-то и учителя физики, математики, химии говорили со школьниками на великолепном русском языке. Не говоря уже о том, что учителя истории были полвека назад не только носителями хорошего русского языка, но и постоянно привлекали внимание учащихся к настоящей литературе, к класси-

ческому искусству в целом, гораздо шире, чем это требовалось программным материалом. И это именно благодаря тому, что в школьные годы много читали – и на уроках, и дома – русскую классическую литературу.

Но в беседах с нашими студентами выяснилось, что почти половина учителей литературы и русского языка не читают своим ученикам стихов и прозы. Если не считать кратких выдержек из текстов, необходимых для анализа. Да и половина другой половины предпочитает требовать выразительного чтения от ребят, чем самим показывать пример. А некоторые словесники, не читающие на уроках литературных текстов, заставляют учащихся составлять по прочитанным произведениям или отрывкам из них таблицы: в чем были одеты герои до бала и после бала; о чем говорила героиня с тем-то и с тем-то; какая была погода в начале событий и в конце. И т.д. и т.п.

Совсем редко вспоминали опрашиваемые нами студенты о случаях дискуссий в классе по поводу литературных произведений или их героев. Не говорим уже о «судах над героем» типа того, что описал в «Двух капитанах» Вениамин Каверин, или «судах над песней», популярных на коммунарских сборах 60-х годов.

Радует, что все-таки кое-кто вспоминает содержательные, не формальные дискуссии, когда и времени урока не хватает. Но это – отдельные случаи. Чаще сообщают о скучных «чтениях по ролям», состязаниях команд типа КВН по тому или иному произведению и других мероприятиях, проведенных только для того, чтобы отчитаться о применении на уроках игровых приемов.

Приходится делать вывод, что современная российская средняя школа чем дальше, тем больше усложняет задачу высшего профессионального образования. Слабо владеющему богатствами родного языка студенту трудно и «грамотно выражать свои мысли», и «адекватно воспринимать смысл язы-

ковых сообщений». А содержание учебных дисциплин в вузовском образовании все более усложняется.

Возможно, через какое-то время организаторы общего образования задумаются над обозначенной нами проблемой и примут меры к возвращению в общеобразовательную школу культуры родного языка. Конечно, потребуется какое-то время для перевоспитания педагогов. Но до той поры высшим учебным заведениям скорее всего придется компенсировать недостатки школьного образования своими силами. Только так нам удастся сохранить фундаментальность российского высшего образования, так привлекающую не только российскую молодежь, но и студентов «из более развитых по сравнению с остальными регионами стран Северной и Западной Европы и Северной Америки и Океании», которые по исследованиям сотрудников ДНИ СГА «выбирают фундаментальное российское образование в классических университетах почти так же часто, как профильное» [5, с. 99].

В условиях СГА видится естественный путь компенсации: насыщение наших учебных материалов, особенно компьютерных тренингов, аудио- и визуальными элементами высокой классики – отрывками из русской классической литературы, из выступлений великих ораторов (в курсе «Судебной риторики» – великих русских адвокатов), кадрами из кинофильмов, снятых по литературной классике и т.п. Это же относится и к учебным продуктам, предназначенным для работы со школьной аудиторией. Судя по тому как развивались учебные продукты в СГА в течение последнего десятилетия, такая задача вполне под силу их разработчикам.

Список литературы

1. Якушенок Т.В. Дистанционное образование как способ вторичной социализации личности. Опыт СГА (социально-философский анализ). Дисс. ... канд. филос. наук. Москва, 2005.

2. Якушенко Т.В. Инновационная социализация и роль дистанционного образования. Монография. М.: СГУ, 2005.

3. Якушенко Т.В., Кононов В.П. Эвристическая составляющая в системе дистанционного образования: уточняем предложения // [muh.ru /Konf._m Yalenuenl.htm](http://muh.ru/Konf._m%20Yalenuenl.htm). 15.11.05.

4. Якушенко Т.В., Кононов В.П. Роль философского и культурологического образования в формировании гражданина демократического общества и возможности дистанционного образования // Профессиональное образование в условиях дистанционного обучения. Достижения, проблемы, перспективы: Итоговая межрегиональная научно-практическая конференция (заочная). М.: Изд-во СГА, 2007.

5. Наука в Современной гуманитарной академии // Сб. мат-лов. М.: СГА, 2008.

6. Карпенко М.П. Телеобучение. М.: СГА, 2008.

7. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем., свер. с авториз. англ. пер. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.

8. Федоров Б.И. Школьное обучение. Главная цель // Филос. науки. 2009. № 6.

9. Война В. «Гугл», который изменил мир // Новое время. 2005. № 5.

10. Ильченко Д. Иазык жиф! Сможет ли Интернет сохранить русскую речевую культуру? // Смена. 2009. Январь.

11. Черненко Н.М. Стилистика компьютерного общения // Русский язык в школе. 2009. № 5.

12. Поддубный Б. (*Dr. Vodja*). Как появился Интернет-жаргон и что означают некоторые сокращения? <http://www.homearchive.ru>

13. Кононов В.П. Единство бытия: Опыт хронологической и теоретической реконструкции реальной картины происхождения, предыстории и истории человечества. Т. 1. Вельск: Вельти, 2005.

14. *Кононов В.П.* Единство бытия: Опыт хронологической и теоретической реконструкции реальной картины происхождения, предыстории и истории человечества. Т. 2. Вельск, 2008.

15. *Алпатов В.* Английский бы выучил только за то... // Родина. 2007. № 9.

16. *Богдановъ А.* Общественное сознание въ мировой войне (Краткій курс идеологической науки въ вопросах и отвѣтахъ). М.: Т-во Книгоизд-во писателей въ Москвѣ, 1914.

17. Интернет делает нас глупее? // Наука и жизнь. 2009. № 2.

18. *Громыко Н.В.* Интернет и постмодернизм – их значение для современного образования // Вопросы философии. 2002. № 2.

19. *Громыко Н.В.* Что такое эпистемотека // Вопросы философии. 2008. № 7.

20. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. М.: Классика – XXI, 2005.

21. *Кодзиро Сэридзава.* Умереть в Париже / Пер. с яп. М.: Иностранка, 2002.